

БЕН МИЛЛЕР

НОЧЬ,
когда я встретил
Рождественского
ДЕДА

★ Книжки
Винки

Бен Миллер
Ночь, когда я встретил
Рождественского Деда
Серия «Магические истории (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66472116

*Ночь, когда я встретил Рождественского Деда: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-138669-6*

Аннотация

Джексон знает всё о летающих оленях, эльфах и секретной мастерской на Северном полюсе. А ещё он знает о магии, которая позволяет Рождественскому Деду доставлять подарки по всему миру всего за одну ночь. Но есть кое-что, о чём он никак не может догадаться... Как Рождественский Дед стал Рождественским Дедом?

Приготовьтесь к волшебной, захватывающей истории, созданной актёром и комиком Беном Миллером, которая напомнит всем об истинном духе Рождества и раз и навсегда докажет, что Рождественский Дед существует!

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	45
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Бен Миллер

Ночь, когда я встретил

Рождественского Деда

Посвящается Джексону, Харрисону и Лане

Ben Miller

The Night I Met Father Christmas

First published in Great Britain in 2018 by Simon & Schuster
UK Ltd

Text copyright © Passion Projects Limited 2018

Illustrations copyright © Daniela Jaglenka Terrazzini

This book is copyright under the Berne Convention.
All rights reserved.

Иллюстрации: Даниэла Ягленка Терраццини

© Зиганшина Е., перевод, 2021

© Издательство АСТ, 2021

Глава 1

Когда я был маленьким, один из моих друзей сказал кое-что ужасно глупое. Он сказал, будто Рождественского Деда не существует.

– Тогда откуда берутся все рождественские подарки? – спросил его я. Друг не смог ответить.

– Не знаю, – признался он. – Просто мне так старшая сестра сказала.

– Кто же тогда спускается по дымоходу, съедает рождественские пирожки и выпивает бренди? – продолжил спра-

шивать я. – Кто управляет санями?

Друг некоторое время молчал.

– Знаешь что? – наконец сказал он. – Ты прав. Не знаю, с чего я об этом заговорил. Хочешь поиграть в шарики?

Той ночью мне было трудно уснуть. Я выиграл в споре, но друг посеял в моей душе крошечное семечко сомнения. Что если Рождественского Деда и правда не существует?

Рождество приближалось, и я начал задаваться всевозможными тревожными вопросами: кто такой Рождественский Дед? Почему он приносит подарки? Как он успевает доставить их все всего за одну ночь? Как это всё началось?

Я решил, что есть лишь один способ выяснить правду. Я должен встретиться с Рождественским Дедом лично.

Конечно, я никому не рассказывал о своём плане. Мои родители попытались бы остановить меня, а младшие сёстры-близняшки увязались бы следом, хотя они ещё слишком маленькие. Задание было серьёзное, и я не мог допустить, чтобы что-то пошло наперекосяк.

Наконец наступил Сочельник, и родители поднялись ко мне в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи.

– Знаешь, какой завтра день? – спросила мама с блеском в глазах.

– Среда? – отозвался я, притворяясь, будто мне всё равно. Она перевела взгляд на папу, и тот пожал плечами.

– Да, милый, – сказала мама, пытаясь поддерживать атмосферу загадочности. – Среда. А ещё Рождество.

– О, – ответил я. – Рождество меня не особо интересует.

– Правда? – удивился папа. Вид у родителей сделался очень разочарованный, и на какой-то краткий миг мне стало стыдно, что я их обманываю.

– Рождество ничего так, – сказал я, – если вы любите подарки, и шоколад, и сладости, и всякое такое, но лично я предпочитаю решить парочку задач по математике под классическую музыку. – Потом я изобразил широкий зевок и закрыл глаза.

– Лишь бы ты был счастлив, милый, – сказала мама с беспокойством в голосе. Родители поцеловали меня перед сном, выключили свет и спустились на первый этаж.

Я лежал в темноте с закрытыми глазами и прислушивался. Я слышал, как сёстры в своей спальне дальше по коридору болтают на особом выдуманном языке, который понимали лишь они. Обычно когда они так разговаривали, я чувствовал себя немножко покинуто, но не сегодня: сегодня у меня было совершенно выдающееся задание.

В конце концов сёстры умолкли, и дом вдруг стал казаться очень тёмным и таинственным. Я слышал, как родители тихонько переговариваются внизу. Но скоро и этот звук прекратился, а потом заскрипели ступеньки – мама с папой отправились спать.

Я знал, что они могут заглянуть ко мне, так что притворился крепко спящим.

– Спокойной ночи, мужичок, – прошептал папа, осторож-

но переложив мою голову обратно на подушку и натянув на меня одеяло, чтобы я не замёрз. Потом я ощутил запах маминых духов: мама поцеловала меня. Дверь закрылась, и я услышал, как родители направляются в свою спальню.

Я лежал неподвижно и вслушивался в темноту. Прошло, как мне показалось, ужасно много времени, когда я решил, что уже можно приоткрыть один глаз. Часы на тумбочке показывали без четверти двенадцать. Я никогда в жизни не засиживался так допоздна и на миг задумался, не обращусь ли в камень, когда пробьёт полночь, как ребёнок из сказки.

Я отбросил одеяло, опустил ноги на коврик и на цыпочках подкрался к окну. Подоконник снаружи покрывал снег. Месяц был тонкий, но яркий, а в соседском саду по белой лужайке осторожно пробиралась лисица. Сине-чёрное небо усеивали звёзды и клочки облаков. Ничего на небе не двигалось. Не было ни падающих звёзд, ни спутников, ни даже катящихся планет. И совершенно точно никаких саней, запряжённых оленями.

Я пробрался обратно к постели. Взяв обе подушки с кровати и прихватив одну с кресла, я соорудил нечто вроде кроватного трона, чтобы сидеть на нём и наблюдать за открытым небом. Я во что бы то ни стало намеревался не заснуть. Я намеревался дождаться Рождественского Деда.

По белой лужайке осторожно пробиралась лисица.

* * *

Сперва я слышал бубенцы. Но их звон был не радостный, как в рождественской песенке, а скорее напоминающий бряцанье коровьих колокольчиков. Я подбежал к окну. В небе было пусто, как и прежде. Я слышал, как где-то вдали бубенцы затихали и снова начинали звенеть, с каждым разом всё громче. Постепенно звон приближался, а моё волнение возрастало. Наконец, когда они загремели совсем близко, раздался сильный удар, за которым последовали громкий скрип и скрежет, а потом весь потолок содрогнулся. Я всегда думал, что Рождественский Дед прибывает тихо, но, видимо, я ошибался. Неудивительно, что ему приходится ждать, пока все уснут!

С быстротой молнии я натянул домашний халат, сунул ноги в тапочки, схватил своего игрушечного кролика и помчался вниз. Я отважно ворвался в гостиную и кинулся к камину. На остывшую каминную решётку сыпались хлопья саж. Это Рождественский Дед спускался!

Или, по крайней мере, пытался спуститься. Сажа всё сыпалась, а из дымохода доносилось сдавленное пыхтение.

– О-о-ох-х-х, – услышал я его голос. – Хоть бы кто почистил свой дымоход в Сочельник, но нет же.

Раздался крик, за которым последовал звук падения, за которым последовали звуки возни кого-то-застрявшего-в-дымоходе. Потом был звук ёрзания и бормотание, а затем в камин вывалился крошечный человечек.

Я всегда представлял Рождественского Деда огромным, но существо передо мной оказалось малюсеньким. У него имелся небольшой животик, но толстым его назвать было никак нельзя. Гость был одет в старомодную красную вельветовую куртку, расшитую зелёными нитками, красные вельветовые штаны ей под стать и тёмно-коричневые кожаные ботинки. Ещё у него были заострённые уши и вздёрнутый нос, а также короткие кудрявые седые волосы, спрятанные под красный вельветовый колпак. Внезапно я осознал. Рождественский Дед – вовсе не человек. Он эльф!

– Ой! – поражённо крикнул я.

– Ай! – крикнул в ответ Рождественский Дед, испуганно подпрыгнул, опрокидывая кочергу, попятился назад, споткнулся и плюхнулся задом в камин.

– Ау! – воскликнул он. – Моя лодыжка! Кажется, я её подвернул.

– Простите пожалуйста, – сказал я, чувствуя себя ужасно виноватым. – Это всё из-за меня. Позвольте помочь вам встать.

Я взял его за руку и помог подняться.

– Уй! – сказал Рождественский Дед. – Я не могу наступить на ногу, взгляни.

Он попытался встать, но ему явно было очень больно, так что я взял его за подмышки и усадил в папино кресло.

– Здравствуй, – поздоровался он, пытаясь собраться и оглядывая меня яркими голубыми глазами. – Эм-м... я... проверяльщик дымоходов. Меня послал совет. Велели проверить этот дымоход. Я посмотрел, всё хорошо, так что я пойду. Большое спасибо за помощь.

– Проверяльщик дымоходов? – переспросил я, указывая на торчащую из его мешка коробку Лего. – Вы уверены? – Гость поспешно запихал Лего поглубже в мешок и с вызовом посмотрел на меня.

– Это? – спросил он. – Это моё Лего. Многие взрослые собирают Лего. Такое бывает.

– Вы меня не проведёте, – сказал я. – Я знаю, кто вы.

– Правда?

– Конечно, – ответил я, стараясь сохранять спокойствие. Я, в конце концов, был в обществе всемирно известной суперзвезды. – Все знают. Вы Рождественский Дед. Каждый год дети пишут список подарков, которые хотели бы получить на Рождество, и отправляют его вам на Северный полюс. У вас есть мастерская, где ваши эльфы делают эти подарки...

– Стоп-стоп-стоп, – перебил он. – Это не мои эльфы. Это мои работники, и они работают в мастерской, потому что хотят.

– Ага! – воскликнул я, хлопнув в ладоши. – Значит, вы

правда Рождественский Дед!

– А-а, – протянул эльф с таким видом, словно я подловил его на слове.

– Хотите, расскажу, что ещё я о вас знаю? – спросил я.

– Чувствую, остановить тебя будет трудно, – отозвался он.

– Так вот, в Сочельник вы грузите все подарки на сани, и девять ваших оленей, Гарцующий и Танцующий, Гром и Молния, Комета и Купидон, Стремительный и Сварливый, плюс Рудольф тянут их по небу.

– Продолжай, – сказал гость.

– Вы приземляетесь на крыше каждого дома, а потом спускаетесь по дымоходу, чтобы оставить подарки под ёлкой. Вот прямо как сейчас. Значит, вы Рождественский Дед.

– Возможно, – протянул он. – Это очень возможно. На самом деле... – Эльф сделал длинную паузу и посмотрел мне прямо в глаза. – Ты прав.

А потом он улыбнулся – словно кто-то зажёл лампу солнечного света. В его глазах засияла доброта, и я почувствовал, как меня приподняло волной счастья, словно игрушечный кораблик в ванной. Все мои сомнения развеялись. Рождественский Дед существует – вот он, прямо у меня дома.

– Ты, должно быть, Джексон, – сказал он. – Почему ты на ногах так поздно, ведь все остальные спят?

– Я ждал вас, – ответил я. – Я хочу задать вам ужасно важный вопрос. Можно?

– Валяй, – сказал Рождественский Дед.

– Кто вы? – спросил я.

– Кто я? – переспросил Рождественский Дед.

– Как всё это началось? Как вы стали Рождественским Дедом.

Рождественский Дед медленно кивнул, словно моё любопытство несколько впечатлило его.

– Ты действительно хочешь знать? – Он улыбнулся.

– Больше всего на свете, – ответил я.

– Ты супер-пупер-уверен? – уточнил Рождественский Дед. – Может статься, это не та история, которую ты ожидаешь.

– С хорошими историями всегда так, – сказал я.

– Это правда, – согласился Рождественский Дед. – Самая что ни на есть. – Он сунул палец в карман жилетки и выудил оттуда серебряные карманные часы. – Что ж, я слегка опережаю график. Полагаю... – Он снова посмотрел мне прямо в глаза. – Полагаю, раз уж ты вёл себя очень хорошо, я быстренько расскажу её тебе.

– Да, расскажите, пожалуйста, – попросил я.

Тут стоит вам сказать, что у меня феноменальная память. Я могу вспомнить всё, что я ел за жизнь, – когда, во сколько и что именно – например, сэндвич с сыром, с горчицей вместо маринованных огурцов, в двенадцать тридцать, три среды назад – и моя память устроена так, что когда кто-то мне что-то рассказывает, я навсегда запоминаю это и могу повторить каждое слово в том же порядке.

Так что, когда я говорю, что это рассказал мне Рождественский Дед, что ж... это всё равно как если бы он рассказывал вам свою историю лично...

Глава 2

Когда-то, давным-давно, был возле Северного полюса один город, в котором жило большинство эльфов мира. Сколько эльфы себя помнили, почти все они работали на городской обувной фабрике, которую основал знаменитый эльф-предприниматель Гримм Гриммссон.

Эльфы, как, я уверен, ты знаешь, превосходные сапожники, и используют они только мягчайшую кожу, которую разрезают и сшивают полностью вручную. Также они очень хороши в магии, так что каждая сделанная ими пара обуви иде-

ально подходила тому, кто её покупал.

Многие века ни один из людей-сапожников не мог изготовить обувь, которая хоть на десятую долю сравнилась бы с эльфийской, так что у Гримма Гриммссона не было конкурентов. Но потом люди изобрели станки, которые могли делать обувь почти так же быстро и почти так же хорошо, как эльфы. Конечно, изготовленная на людских станках обувь не могла волшебным образом подходить по ноге всем, но это было неважно, потому что она была очень, очень дешёвой.

Со временем люди начали забывать об эльфийской обуви и покупали лишь ту, что была сделана станками. Вскоре Гримм Гриммссон обнаружил, что прибыль от продажи обуви не покрывает расходов на содержание фабрики, и покинул город посреди ночи вместе с пенсионным фондом всех своих сапожников – скандал был ужасный.

Все эльфы, работавшие на обувной фабрике, в одночасье лишились работы. Без зарплаты, чтобы кормить семьи, и без дела они вскоре начали терять присутствие духа. Со временем эльфы в городе разделились на две категории: богатые и бедные. И это подводит меня к главному персонажу моей истории, Торвилу Рождество.

Торвил определённо был одним из самых богатых эльфов в городе. Если точнее, он, будучи владельцем единственного магазина игрушек, очень даже процветал. Но если большинство богачей с радостью делятся своими деньгами с семьёй и друзьями, Торвил держал всё своё состояние при себе.

Справедливости ради, ни семьи, ни друзей у Торвила не было. Он вырос в приюте, никогда не знал ни матери, ни отца и всю свою жизнь ни с кем особенно не сближался. Наша история начинается, когда Торвилу было пятьсот шесть лет – к этому времени он уже давно вышел из возраста, когда большинство эльфов остепеняются и обзаводятся семьями. Торвил, однако, по-прежнему был один-одинёшенек.

(Кстати говоря, эльфы обычно живут в десять раз дольше людей. Они считаются новорождёнными до десяти лет, младенцами до тридцати, детьми до ста двадцати, подростками до двухсот и взрослыми в триста три года.)

Не то чтобы Торвилу не нравилось одиночество. Деньги, как он выяснил, с лёгкостью заменяли товарищей. А самым лучшим в деньгах было то, что они тебя никогда не подведут. Если пересчитать своё состояние после завтрака, можно быть уверенным, что оно никуда не денется, когда будешь пересчитывать его после обеда, и после ужина, и напоследок перед сном. Товарищи приходят и уходят, но деньги остаются. Всего-то и нужно, что не тратить их.

Не тратить деньги было одним из любимых занятий Торвила. Скажу прямо: Торвил был скрягой. Если к нему в магазин приходил, намереваясь купить сыну или дочери подарок на день рождения, какой-нибудь эльф, слишком бедный, чтобы позволить себе одну из прекрасных игрушек, Торвил никогда не делал одолжений, понижая цену или подсовывая ему в мешок набор карточек со Звёздными Войнами, пока эльф не видел.

– Пожалуйста, мистер Рождество, проявите немного доброты, – просил покупатель, на что Торвил неизменно отвечал:

– Доброта, мой дорогой сэр, не оплатит мне счета.

Ты мог бы подумать, что Торвил, с такой-то фамилией, обожал Рождество, но это было не так. Торвил совершенно

не любил Рождество; более того, он его ненавидел. Каждое Рождество на его памяти было жалким – праздники он проводил в одиночестве в своём пустом холодном доме; ни друзей, ни семьи у него не было, так что никто не приходил к нему в гости и не дарил даже заваливающей рождественской открытки, не говоря уже о подарке. Как результат, всё, за что люди и эльфы обычно любят Рождество, действовало Торвилу на нервы: ёлки, адвент-календари, то, как все добры друг к другу в общественном транспорте; всё это здорово портило ему настроение.

Единственное, что Торвилу в Рождестве нравилось, так это заработанные им деньги. На самом деле – и мне очень стыдно тебе об этом рассказывать – когда приближалось Рождество и каждый эльф в городе экономил и копил, чтобы купить детям игрушки, Торвил повышал цены! Его магазин игрушек был единственным в городе, так что у жителей не оставалось выбора, кроме как переплачивать. Для многих из эльфийских детей, чьи родители были бедны, это означало меньше подарков. А для тех, чьи родители были крайне бедны, это, к сожалению, означало отсутствие подарков вообще.

Так всё и продолжалось бы, если бы не один довольно необычный поворот событий. Событий, которые навсегда переменили жизнь Торвила. Событий, которые – как ты вскоре увидишь – переменили и твою жизнь тоже.

Глава 3

Середина зимы на Северном полюсе – совершенно особенное время. Если когда-нибудь отправишься туда – а я советую побывать там хотя бы раз в жизни – то скоро поймёшь почему. С начала декабря до конца января солнце перестаёт вставать. Круглые сутки царит тьма, кроме полудня, когда происходит кое-что поистине волшебное. Всего на несколько минут небо приобретает прекрасный синий оттенок. Эльфы называют это «синим мигом», и это одно из самых чудесных зрелищ, которое только можно увидеть.

Чем ближе к Рождеству, тем короче делается синий миг, пока наконец за неделю до праздника не перестаёт происходить вовсе. Только представь! Целых семь дней и семь ночей кругом постоянно черным-черно, и все начинают гадать, увидят ли ещё когда-нибудь свет. А потом, словно по волшебству, в день Рождества синий миг возвращается.

От целой недели темноты легко впасть в уныние, а то и в депрессию, так что эльфы придумали нечто весьма умное. Вместо того, чтобы сидеть дома и переживать, что синий миг пропал, они празднуют. Тёмные дни перед Рождеством наполняются весельем, а Сочельник становится самым радостным днём из всех.

Все одеваются в свои лучшие наряды из красного вельвета, пьют особый напиток под названием медовуха и в целом замечательно проводят время.

Нужно ли говорить, что угрюмец Торвил плевать хотел на это веселье. Он носил красный вельвет лишь потому, что ненавидел выделяться (и потому что в молодости приобрёл красный вельветовый брючный костюм и намеревался поносить его как следует), но на этом всё. Он избегал уличных празднеств и уж точно не пил медовухи. По его мнению, Рождество было лишним поводом для ленивых эльфов отлынивать от работы и в целом вести себя раздражающе.

Однако в один из Сочельников произошло нечто из ряда вон выходящее. Взволнованный перспективой продать уйму игрушек, Торвил проснулся спозаранку и сел в первые идущие

щие до города сани. Но когда он крался по главной улице, изо всех сил стараясь избегать уличных торговцев и гуляк, до него донеслась мелодия старой эльфийской волынки. Торвил был не особым любителем волынки, да и музыки в целом, но этот плывший по морозному зимнему воздуху мотив казался странно знакомым. А что ещё страннее, так это то, что музыка играла прямо рядом с его магазином игрушек!

Оказалось, что возле витрины собралась группка эльфов, распевавших рождественские гимны во всё горло.

– Странно, – пробормотал Торвил себе под нос. – Кажется, я знаю эту мелодию. – Словно в трансе, он протолкнулся в центр круга. Там он увидел зависшую в воздухе волынку, играющую словно по собственной воле. Рядом с ней стоял Медный Эльф с рыжими волосами и ярко-зелёными глазами, держа в руках большую коричневую фетровую шляпу, полную монеток.

Торвил прищурился. Он всегда с подозрением относился к Медным Эльфам. Они обладали сильнейшей эльфийской магией, но, казалось, никогда не использовали её на благие цели. Магией, считал Торвил, следовало пользоваться исключительно разумно. Вот он с помощью своей успешно управлял бизнесом и экономил на счетах, а не развлекал прочих эльфов на улице.

Там он увидел зависшую в воздухе волынку, играющую словно по собственной воле.

Волынка описала в воздухе изящную дугу, издала финальную ноту и грудой рухнула наземь.

– Пенни для славильщиков? – крикнул Медный Эльф в щель для писем.

– Без толку, – сказал один молодой эльф, похлопывая по себе руками, чтобы согреться. – Этим магазином владеет очень жадный эльф, самый жадный на всём Северном полюсе. Он никогда не даёт нам денег.

Внезапно Торвил опомнился. Молодой эльф имел в виду его! Так-то о нём говорят за его спиной? Недолго думая, он натянул шарф на лицо, чтобы никто его случайно не узнал.

– Может, ему не понравилось, как мы поём, – предположил голос из толпы.

– Думаю, лучше всего нам удалось у мясника, – вздохнул ещё кто-то.

Приуныв, толпа начала расходиться, а Медный Эльф принялся складывать волынку в ящик. Вскоре у магазина остался лишь Торвил. Какая-то его часть раздумывала, не уйти ли и ему тоже, а потом вернуться, когда берег будет чист. Но другая его часть хотела побольше разузнать об этой мелодии.

– Какая жалость, – сказал он Медному Эльфу. – Кажется, никого нет дома.

– Что-что? – последовал ответ. – Простите, я не слышу,

что вы говорите.

– Я говорю, кажется, никого нет дома, – повторил Торвил, отодвигая шарф ото рта, чтобы слова звучали чётче.

– О нет, дома точно кто-то есть, – ответил Медный Эльф с блеском в глазах. – По крайней мере, волынка явно считает именно так.

В тот же миг волынка поднялась из своего ящика, словно сбегавший из аквариума осьминог, подлетела к Торвилу и снова заиграла.

– Понятия не имею, почему она так делает, – сказал Торвил.

Медный Эльф нахмурился.

– А это случайно не ваш магазин? – поинтересовался он.

– О! – воскликнул Торвил. – Нет-нет-нет. Я слишком беден, чтобы владеть таким огромным магазином. Хотя должен сказать, – добавил он, делая шаг назад и оглядывая витрину, – товары у них тут потрясающие.

Не обращая на его слова внимания, Медный Эльф просто протянул шляпу для монеток и потряс ею.

– Пенни для славильщиков? – спросил он со зловещей ухмылкой, звякнув монетками.

– Вы правы, это мой магазин, – признался Торвил, опуская шарф. – Мне просто стало несколько неловко, потому что у меня с собой нет денег.

– Совсем? – уточнил Медный Эльф.

– Совсем, – весьма неубедительно подтвердил Торвил.

– Тогда возьмите-ка это, – сказал Медный Эльф, вытаскивая из шляпы монетку и швыряя её в сторону Торвила. Торвил замешкался, и монетка упала в снег.

– Да обратится она с вами так, как вы того заслуживаете, – произнёс Медный Эльф. А к тому времени, как Торвил отыскал монетку, его и след простыл.

Глава 4

Беседа с Медным Эльфом здорово встревожила Торвила, и, несмотря на предвкушение оживлённой торговли, войдя в магазин, он обнаружил, что пребывает в весьма недовольном настроении. А что ещё хуже, его Эльфа-Игрушечника, Штайнара, нигде не было видно.

Торвил нахмурился. Всякий раз, когда он продавал игрушку, Штайнар магическим образом делал взамен неё новую, так что полки никогда не опустевали. Как работник мог опоздать именно в Сочельник? Он уже должен был быть на

месте и мастерить игрушки, чтобы Торвил смог заработать побольше денег. Куда же он запропастился?

* * *

А Штайнар тем временем был в мясной лавке – стоял в довольно длинной очереди, надеясь купить гуся на рождественский ужин для своей семьи. Денег, которые платил ему Торвил, едва хватало, чтобы сводить концы с концами, особенно с тех пор, как его единственная дочка, Кити, заболела и часто нуждалась в дорогостоящем лекарстве. Но Штайнар хотел, чтобы его жена и дочь были счастливы, так что он надеялся, что мясник согласится продать самого маленького своего гуся всего за несколько пенни.

К сожалению, мясник тоже пребывал в не самом лучшем настроении. Несмотря на большую очередь, сулящую приличную выручку, всё выводило его из себя: и его бедная взрослая дочь Герда, помогающая ему в лавке, и уж конечно всякие бедняки с пустыми карманами.

– Сколько у тебя есть? – прямо спросил он Штайнара, да так громко, чтобы все остальные покупатели его услышали.

– Две кроны, – ответил Штайнар.

– Самый дешёвый гусь стоит двенадцать, – заявил мясник. – Следующий!

Чувствуя себя полным неудачником, Штайнар побрёл на заснеженную улицу, размышляя, как он скажет своей доро-

гой жене, Фрейе, что у них ничего нет на рождественский ужин. А бедняжка Кити, которая так радовалась празднику? Штайнар изо всех сил постарался думать о хорошем, но у него ничего не вышло, и по его носу скатилась огромная горячая слеза и упала на снег, проплавив в нём дырочку.

Внезапно он почувствовал чью-то нежную руку на своём плече. Это оказалась Герда. У неё было доброе, открытое лицо, а её длинные светлые волосы были перевязаны хорошенькой лентой из красного вельвета.

– Вот, возьмите, – сказала Герда, вкладывая ему в руку небольшой свёрток. – Счастливого Рождества.

И прежде чем Штайнар успел её поблагодарить, она поцеловала его в лоб и снова скрылась в лавке.

Поражённый, Штайнар развязал верёвочку на свёртке. Внутри, на глянцевої коричневой бумаге, лежали полдюжины лучших говяжьих сосисок из всех, что он когда-либо видел. Штайнар не мог поверить своей удаче. Что за прекрасный рождественский ужин из них выйдет! Семья будет в восторге! Он посмотрел на Герду через окно – та уже снова принялась обслуживать покупателей.

– Спасибо, – сказал Штайнар, прижимая ладони к груди, так что хоть Герда и не могла его слышать, она всё равно поняла бы, что он говорит. Герда помахала ему и широко улыбнулась.

Не успел Штайнар уйти, как Герда почувствовала чью-то руку уже на собственном плече. Она повернулась и обнаружила перед собой красное лицо отца.

– Что ты ему дала? – угрожающе спросил мясник.

– Всего лишь пару сосисок, – ответила Герда. – Он был такой грустный, да и Рождество ведь.

Мясник медленно кивнул.

– Идём со мной, – велел он и, взяв её под локоть, отвёл в кабинет в задней части лавки. – Вот, – сказал он, указывая на старую конторскую книгу, лежащую на столе. – Здесь записаны все расходы, которые я понёс, чтобы тебя вырастить.

Каждый обед, каждая пара носков, каждая ночь, которую ты провела в моём доме. Смотри, сколько ты мне должна.

Герда посмотрела на цифры.

– Двести девяносто три тысячи восемьсот двадцать четыре кроны, отец, – кротко сказала она.

– Умница, – произнёс мясник. – А теперь прибавь к этому стоимость сосисок. – И Герда сделала в точности как он велел.

Глава 5

– И который, по-твоему, час? – осведомился Торвил, когда Штайнар вернулся из мясной лавки.

– Непростительно поздний, хозяин, – ответил Штайнар. – Мне очень жаль, я задержался в мясной лавке.

– Хмпф, – произнёс Торвил, оглядывая улицу в поисках покупателей. – Проматывал свою зарплату на стейк, безо всяких сомнений. Научись любить овощи, Штайнар! Они гораздо лучше для твоего здоровья и кошелька.

Штайнар хотел сказать, что его зарплата такая маленькая,

что после того, как он расплачивается за лекарство для Кити, ему едва хватает на одну морковку, но передумал. Вместо этого он стряхнул снег с башмаков и последовал за Торвилом в волшебную страну – магазин игрушек.

Глядя на полки с игрушками, которые он сам смастерил, Штайнар всегда испытывал прилив горькой гордости. Вот они – яркие деревянные конструкторы, игрушечные швейные машинки и лошадки-качалки, замки и ружья. Штайнар знал каждый винтик и заклёпку, каждый мазок лака и краски, каждый кусочек ясеня и кожи так же хорошо, как знал все волоски на голове Кити. Его восхищало, до чего они идеальны, и печалило, до чего мало эльфийских детей могли их себе позволить.

– А теперь, прежде чем ты возьмёшься вон за те ролики, – строго сказал Торвил, – мне потребуется твоя помощь. Нам нужно в срочном порядке поднять цены, пока не явились рождественские покупатели. Проверь ценник на каждой игрушке, удвой цену, а затем наколдуй новый ценник вместо старого.

– Да, хозяин, – отозвался Штайнар, открывая дверь в свою мастерскую. Я говорю «мастерскую», но на деле это был скорее чулан. Внутри было втиснуто всё, что могло понадобиться Штайнару для изготовления игрушек: станки, зажимы, настольные лампы и паяльники, а также ошеломительное количество фетра, красок, ниток, клея, серебряных пуговиц и перламутровых страз.

Штайнар положил коричневый свёрток с сосисками на стол и задумчиво поглядел на него. Теперь, когда ему было что приготовить к рождественскому ужину, он должен был задать Торвилу вопрос.

– Кхм, – кашлянул он, приближаясь к прилавку, за которым Торвил пересчитывал остаток денег в кассе. – Я тут подумал...

– Да? – сказал Торвил, не поднимая головы.

– Я знаю, я уже спрашивал в прошлом году... и в позапрошлом... на самом деле, я спрашиваю каждый год... наверное, я так вам наскучил! Но я просто подумал... Нельзя ли мне будет взять завтра выходной?

– Совершенно исключено, – отрезал Торвил, высыпая на стол монетки из мешка.

– Просто... мне хотелось бы провести Рождество со своей семьёй.

– Сорок шесть, сорок семь... – считал Торвил себе под нос.

– Покупателей же не будет, – не сдавался Штайнар. – Потому что праздник. В магазине будет пусто.

– Именно, – сказал Торвил, переводя взгляд на игрушечника. – Так что это будет прекрасный день, чтобы заняться инвентаризацией и составить опись всех игрушек в магазине. В бизнесе главное чистая прибыль, Штайнар, – заявил Торвил, раскладывая монетки по соответствующим отделениям. – Чтобы увеличить прибыль, нужно понизить расхо-

ды. Знать каждую игрушку – какая продаётся, какая нет, за какие можно попросить больше, на какие не стоит и времени тратить – поэтому я столь успешен! – И с этими словами он захлопнул кассу, и та звякнула, словно подчёркивая его слова.

– Вы кое-что забыли, – заметил Штайнар.

– Что? – спросил Торвил, слегка раздражённый тем, что Штайнар испортил его громкую речь.

– Вы пропустили пенни, – сказал Штайнар.

На прилавке лежала серебряная монетка, которую Торвилу дал Медный Эльф.

Торвил нахмурился.

– Хм-м, – протянул он. На другом конце прилавка стояла хлипкая механическая рука с увеличительным стеклом, которое он часто использовал, чтобы менять безумно маленькие винтики, фиксирующие батарейки многочисленных пластиковых игрушек. Торвил притянул увеличительное стекло поближе и пристально рассмотрел монету.

Она была старой. Старее всех монет, которые он когда-либо видел, и покрыта странными раннеэльфийскими символами. Она, наверное, очень ценная? Торвил хмыкнул себе под нос. Ну и дурак же этот Медный Эльф! Он поди и понятия не имел о ценности монетки и просто отдал её!

– Что скажешь? – спросил Торвил Штайнара, демонстрируя ему монету.

Работник покачал головой.

– Никогда ничего подобного не видел.

– Ха! – воскликнул Торвил, премного довольный. – А теперь отвернись.

Убедившись, что Штайнар не смотрит, Торвил повернулся к картине в резной позолоченной раме. С одной стороны она была навешена на петли, и Торвил распахнул её – за картиной оказался сейф. Введя верный код, он осторожно поместил монету внутрь, к прочим горам своих наличных. Потом он закрыл сейф и снова толкнул раму на место.

– Продолжай работать, – сказал Торвил. Именно этим Штайнар и занялся.

* * *

Это был один из самых хлопотных Сочельников на памяти Торвила. Наборы кеглей и кожаные футбольные мячи, игрушечные мечи и кукольные коляски так и сметали с полок – Торвил только и успевал вести им счёт. В какой-то мо-

мент касса так переполнилась, что ему пришлось запихивать банкноты в свои резиновые сапоги, а Штайнар был вынужден разжечь печурку для обжига, чтобы обжечь новых фарфоровых кукол на место тех, что раскупили с витрины.

Когда Торвил провожал последних покупателей к двери, пошёл снег. Торвил, хоть и был чёрствым, любил смотреть, как огромные снежинки опускаются на ели и деревянные крыши, а вкупе с мыслью о деньгах, которые он заработал, эльф начал чувствовать небольшой прилив благодушия.

– Знаешь что? – сказал он Штайнару. – Думаю, последние несколько месяцев я был немного чересчур скуп. Весь этот снег напомнил мне, что на носу Рождество. А Рождество – это время для щедрости.

– Правда, хозяин? – спросил Штайнар.

– Время вознаградить тяжкие труды и немного пожить в своё удовольствие.

– Именно так, хозяин, – согласился Штайнар, разрешая себе надеяться.

– Так что, поскольку на улице снег, я решил побаловать себя и поехать домой на собачьей упряжке. Будь хорошим эльфом, найми мне упряжку, а? Я верну её с утра же.

Улыбка Штайнара застыла – он пытался скрыть разочарование. Он-то решил, что, возможно, Торвил разок проявит хоть немного доброты и рождественского великодушия и даст ему выходной, а то и небольшую премию за то, что он трудился в поте лица. Как бы не так.

– Да, конечно, хозяин, – сказал он. – С удовольствием. – И вышел в метель.

Когда Штайнар ушёл, Торвилу представился шанс спрятать всю дневную выручку. Сейф был полон, почти переполнен, и ему пришлось заталкивать деньги внутрь, чтобы дверца закрылась.

– Упряжка готова и ждёт, хозяин, – сказал Штайнар, входя в магазин и стряхивая снег со шляпы.

– Прекрасно, – ответил Торвил.

Штайнар раскрыл зонт и держал его над головой Торвила, пока тот закрывал дверь магазина и взбирался в пустые сани, запряжённые собаками.

– Вы уверены, что вам не нужен возничий, хозяин? – спросил Штайнар. – Там жутко холодно.

– Чтобы заплатить почти в два раза больше? – усмехнулся Торвил. – Я вполне способен самостоятельно управлять саними, большое спасибо. Увидимся завтра ровно в восемь! – бросил он Штайнару и, вскрикнув «Йах!», щёлкнул поводьями и скрылся в снежной буре.

Глава 6

Если ты когда-нибудь решишь побывать на Северном полюсе – а своё мнение на этот счёт я уже, кажется, высказал – то тебе обязательно стоит прокатиться на санях, запряжённых хаски.

Это ни с чем не сравнимый опыт – нестись сквозь плотную тишину заснеженного ночного города, пока пушистые снежинки опускаются на землю, словно идущие ко дну галеоны, а ледяной ветер кусает тебя за щёки. Хаски никогда не бывают счастливее, чем когда бегут в стае, и практиче-

ски невозможно не чувствовать собачью радость, когда они мчатся по снегу.

Торвил был таким сухарём, что едва ли когда-нибудь чувствовал себя живым, но в тот вечер, катя на санях домой, он почти что ощутил это. По главной улице по-прежнему бродили гуляки, и собаки мастерски огибали их, пролетев сперва мимо почты, потом мимо пекарни, а потом мимо мясной лавки. Проносясь мимо последней, Торвил заметил в ярко освещённом окне Герду, оттирающую колоду для рубки мяса, пока мясник за прилавком отрывисто отдавал приказы. Торвил знал Герду в юности, и на миг он ощутил укол печали из-за того, что они больше не дружат. Его так и подмывало помахать ей, и он уже приподнял руку, как вдруг одна из хаски потеряла равновесие, сани встряхнуло, и эльфу пришлось взяться за поводья.

После главной улицы дорога начала забирать вверх, и Торвил щёлкнул кнутом, чтобы собаки не ленились. Здесь жили богачи: он проезжал мимо огней больших деревянных коттеджей, где юные эльфы в хлопковых пижамах с начёсом желали спокойной ночи своим ухоженным родителям, а бойкие эльфы постарше читали друг другу у камина. Потом, один за другим, такие домики начали оставаться позади, и Торвил миновал тёмные окна заброшенного городско-го приюта. Здесь, на вершине холма, воздух был чистым и неподвижным, и на несколько кратких секунд дорогу осветила подёрнутая дымкой полная луна. Дальше мимо проплыли

несколько одиноких ёлок, потом целое их скопление, и наконец дорога нырнула в густой лес.

– Йах! – снова крикнул Торвил собакам, и они начали набирать скорость. Деревья сдвигались теснее; чем дальше в лес углублялась упряжка, тем круче петляла из стороны в сторону тропа. Торвил стал задумываться, не слишком ли быстро он едет, когда сани свернули за угол и оказалось, что дорогу им преграждает здоровенный олень.

Когда попадаешь в аварию на высокой скорости (и я надеюсь, тебе никогда не придётся испытать этого), происходит кое-что странное: время растягивается, а доли секунды превращаются, по ощущениям, в долгие минуты. Всё словно стало двигаться в самой замедленной из всех замедленных съёмок, Торвила выбросило из саней на землю, и он прокатился головой вперёд прямо между оленьих ног и выскользнул уже позади животного. Последним, что он помнил, был ствол огромного дерева, несущийся на него, как перископ подводной лодки, а потом наступила тьма.

Глава 7

– А, – сказал Рождественский Дед. Он поглядел на часы, а потом на свой мешок с игрушками. – Эм... Думаю, придётся дорассказать в другой раз.

– Что? – переспросил я, в ужасе от того, что история прервалась. – Но... что было дальше?

– Много всего, – ответил Рождественский Дед. – Вот почему эта история так хороша.

– Но... но... – промямлил я, ища какой-нибудь повод, чтобы он остался. – Вы же сказали, что опережаете график.

– Раньше опережал, теперь нет, – сказал Рождественский Дед, поднимаясь со скамеечки для ног, на которой сидел. – А эта история слишком хороша, чтобы рассказывать её в спешке. АУ!

– Всё в порядке? – спросил я, подозревая, что, скорее всего, нет.

– Моя лодыжка! – воскликнул он, прыгая на одной ноге. – АЙ!

Я вспомнил, как папа подвернул лодыжку, когда бегал с яйцом в ложке во время последней школьной родительской эстафеты.

– Снимите ботинок! – велел я и кинулся на кухню, там достал из морозилки пакет замороженного гороха и принёсся обратно.

Рождественский Дед с присвистом вдохнул, когда я обернул горох вокруг его довольно-таки потного носка.

– Ау! – вскрикнул гость. – Холодно как!

– Простите, – ответил я, чувствуя, что это всё моя вина. – Но так отёк спадёт, обещаю.

– Это плохо, – сказал Рождественский Дед. – Это очень плохо. Как же я развезу подарки?

– Я могу помочь? – спросил я.

– Как? – поинтересовался Рождественский Дед.

– Я бы мог вас понести?

Последовала пауза – Рождественский Дед немного подумал, но вариантов не было.

– Давай попробуем, – решил он, вскидывая на плечо мешок с подарками. Я поднял его на стул, и он вскарабкался мне на спину. Я изо всех сил постарался встать, но мешок оказался слишком тяжёлым, и мне пришлось опустить эльфа обратно, чтобы не опрокинуться на спину.

– Без толку, – сказал он. – Ничего у нас не выйдет.

– Погодите, – возразил я. – А если вы сядете мне на плечи и поставите мешок мне на голову?

Последовала очередная пауза.

– Это, – произнёс Рождественский Дед, медленно кивая, – и впрямь может быть очень дельная мысль.

* * *

Несколько секунд спустя мы оказались на крыше. Там под лунным светом стояли самые огромные сани, которые я когда-либо видел. Они были размером с грузовик и полупогребены под лавиной подарков. Запряжены сани были девятью здоровенными оленями – они били копытами о снег, выдыхали огромные облака пара и трясли рогами, так что большие бубенцы, привязанные им на шеи, звенели вовсю. Рождественский Дед подвёл меня прямо к жожаку, громадному серо-коричневому зверю с розоватым носом, из которого так и текло. Я немедленно догадался, что это, видимо, Рудольф.

– Вот он, – сказал Рождественский Дед, скармливая Рудольфу морковку. – Моё тайное оружие.

– Потому что у него нос светится? – спросил я, едва переводя дыхание, отчасти от изумления, а отчасти от того, что я только что пронёс Рождественского Деда по четырём лестничным пролётам.

– Не совсем, – ответил Рождественский Дед, давая остальным оленям откусить от морковки понемногу. – На самом деле, это существенный недостаток. Он вечно простужается и заражает своими микробами остальных оленей. Нет, он моё тайное оружие, потому что он может летать.

– А ещё он может слышать, – будничным тоном заметил Рудольф.

– Прости, Рудольф, – сказал Рождественский Дед.

– Извинения приняты, – ответил Рудольф. – Хотя, к твоему сведению, я не простужен, у меня грипп. Меня всего трясёт и суставы ломит. А это кто?

– Это Джексон. Он поможет мне сегодня с работой.

– А это хорошая идея? – уточнил Рудольф. – Обычно с нами никто не ездит.

– Иначе никак, – ответил Рождественский Дед. – Я повернул лодыжку и без него не смогу развезти подарки.

– К тому же Рождественский Дед рассказывает мне историю, – гордо вставил я. – Про эльфа Торвила.

– А, значит, он уже рассказал тебе, как мы встретились? – спросил Рудольф.

– Тс-с, тс-с, тс-с! – шикнул Рождественский Дед. – Ты всё испортишь. В общем, как я сказал, Рудольф – моё тайное

оружие, потому что он может летать. Без него нам ни за что не оторваться от земли. А теперь пора в путь; мне нужно побывать ещё в куче мест.

Я помог Рождественскому Деду забраться на сиденье саней, а потом влез с ним рядом. Я натянул нам на колени медвежью шкуру, а Рождественский Дед взялся за поводья.

– Йах! – крикнул он. – Йах!

– Давайте, народ! – окликнул Рудольф остальных оленей, с усилием сглатывая. – За работу!

Как один, девять оленей встали в упряжь и протащили нас по большому кругу, пока мы не оказались лицом к краю крыши.

– Держись крепче! – прошептал Рождественский Дед.

– Ну погнали! – крикнул Рудольф. – Три, два, один... понеслась!

Олени напряглись, принимая весь вес саней на себя. На краткий миг мне показалось, что это для них перебор. Но потом внезапно мы накренились вперёд и начали быстро набирать скорость. Если вы когда-нибудь бывали во взлетающем самолёте, ощущения примерно такие же, за тем исключением, что мы не были пристёгнуты ремнями и никто не показал нам аварийные выходы.

Я ждал, что мы поднимемся высоко-высоко в небо, но, миновав край крыши, сани камнем ухнули вниз, и я уже подумал, что мы непременно разобьёмся, когда сани начали со скрипом выравниваться, и мы снова рванули вверх. Мы вре-

зались в верхушку здорового дерева – только снег и сосновые иголки во все стороны разлетелись – и вскоре перед нами простирались огни города.

Мы летели!

– Прошу прощения, – сказал Рождественский Дед. – Это из-за меня. После долгих перерывов они начинают терять хватку.

– Куда мы летим? – спросил я.

– В Африку, – ответил Рождественский Дед. – Ты знаешь, в какой она стороне?

– На юге? – предположил я.

– Точно, – сказал Рождественский Дед. – На расстоянии восьми тысяч тридцати одного километра, если быть точным. Мы будем там через восемь минут семнадцать секунд. Гляди! Здание Парламента!

Я посмотрел туда, куда он указывал, и немедленно пожалел об этом, потому что через долю секунды мы подлетели так близко к часам на Биг-Бене, что я едва не вывалился с сиденья.

– Йах! – гаркнул Рождественский Дед. – Йах!

– Да, мы поняли! – крикнул Рудольф.

Мы нырнули в гряды облаков, и я обеспокоенно посмотрел на своего спутника.

– Не волнуйся, – сказал Рождественский Дед. – Рудольф знает, куда летит.

Несколько минут спустя звёзды снова засияли на небо-

склоне, а Лондон превратился в блестящую паутинку жёлтых огней далеко под нами.

– А теперь у нас есть немного времени, прежде чем мы приземлимся, так что где в нашей истории мы остановились? – спросил Рождественский Дед.

– Эльф Торвил, – ответил я, борясь с порывом ветра, – только что ударился о дерево и отключился.

– Впечатляет, – заметил Рождественский Дед. – Ты и впрямь слушал. Что ж, а дальше было вот что.

И вот, практически слово в слово, что он мне поведал...

Глава 8

Когда Торвил наконец открыл глаза, он обнаружил, что распластался на спине в снегу и глядит в чистое, безлунное небо, усеянное звёздами. А кроме этого, у него жутко болит голова.

Он почувствовал на своём лице что-то холодное. У него что, идёт кровь? Эльф осторожно стянул перчатку с левой руки, провёл по щеке и прищурился, глядя, не покраснели ли кончики пальцев. Они не покраснели, но оказались покрыты слюнями.

И тут олень решил лизнуть его ещё разок.

– Фу-у! – воскликнул Торвил, вытирая лицо рукавом. – Кыш! – сказал он, размахивая руками.

Олень удивлённо посмотрел на него.

– Прости, – сказал он. – Видимо, ты не очень тактильный? Хотя ты жив, что уже неплохо.

Торвил, который никогда раньше не встречал говорящего оленя, уставился на него, не веря своим глазам.

– В чём дело? – поинтересовался олень. – У меня что, лишайник в зубах застрял? И куда деваются все замёрзшие лужи, когда они так нужны, э? А! Посмотрим...

Глубоко вдохнув, он сдул снег с небольшого участка льда совсем рядом с лицом Торвила и взгляделся в свои передние зубы.

– Ответ отрицательный, офицер, – произнёс он официальным тоном, – рыло чистое. – А потом добавил: – Извини, немного засыпал тебя снегом, – и сдул упавшие Торвилу на очки снежинки.

– Рыло чистое.

Торвил продолжал таращиться на него, не находясь, что сказать.

– Ох, – вздохнул олень. – Тебя смущает, что я разговариваю, да? Вечно забываю. Мне говорят: «Поразительно, что ты умеешь разговаривать!», а я отвечаю: «Кто угодно может разговаривать. Что поразительно, так это то, что я могу налаживать контакт».

Размышляя, не повредился ли у него случайно мозг от удара о дерево, Торвил решил попытаться встать. Он пошевелил пальцами на ногах и руках, проверяя, работают ли они как следует, потом глубоко вдохнул и поднялся на ноги, держась за нижние ветви ближайшего молодого деревца. Тогда-то он и заметил нечто странное. Снег вокруг был свежесвыпавшим, безо всякого следа аварии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.